

Въ Петербургѣ

С. ПЕТЕРБУРГЪ

Въ Петербургѣ

1829

ШИЛЬОНСКІЙ УЗНИКЪ,

ПОЭМА

ЛОРДА БЕЙРОНА.

—

ПЕРЕВЕЛЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

В. Ж.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1822.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО.

С. Пешербургъ, Апрелья 14 дня, 1822 года.

Цензоръ Александръ Красовскій.

КНЯЗЮ

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

Отъ переводчика.

Замокъ Шильонъ — въ которомъ съ 1530 по 1537 заключенъ былъ знаменитый Бонниваръ, Женевскій гражданинъ, мученикъ вѣры и патріотизма — находится между Клараномъ и Вильневомъ у самыхъ восточныхъ береговъ Женевского озера (Лемана). Изъ оконъ его видны, съ одной стороны, устье Роны, долина ведущая къ С. Морицу и Мартины, снѣжныя Валлизскія горы и высокіе утесы Мельери; а съ другой Монпре, Шателаръ, Кларанъ, Веве, множество деревень и замковъ; предъ нимъ разстилается необъятная равнина водъ, ограниченная въ отдаленіи низкими, голубыми берегами, на которыхъ какъ свѣтлыя точки сіяютъ Лозанна, Моржъ, С. Пре и Ролль; а позади его падаетъ съ холма шумный потокъ. Онъ со всѣхъ сторонъ окруженъ озеромъ, котораго глубина въ этомъ мѣстѣ простирается до 800 Французскихъ футовъ. Можно подумать, что онъ выходитъ

изъ воды, ибо совсемъ невидно утеса, служащаго ему основаніемъ : гдѣ кончится поверхность озера, тамъ нагибаются крѣпкія стѣны замка. Темница, въ которой страдалъ несчастный Бонниваръ, до половины выдолблена въ гранитномъ утесѣ : своды ея, поддерживаемые семью колоннами, опираются на дикую, необтесанную скалу ; съ одной изъ колоннъ виситъ еще то кольцо, къ которому была прикрѣплена цѣпь Бонниварова ; а на полу, у подошвы той же колонны, замѣтна впадина, вытоптанная ногами несчастнаго узника, который столько времени принужденъ былъ ходить на цѣпи своей все по одному мѣсту. Не подалеку отъ устья Роны, вливающейся въ Женевское озеро у Вильнева, находится небольшой островокъ, единственный на всемъ пространствѣ Лемана : онъ непримѣтенъ, когда плывешь по озеру, но его можно легко различить изъ оконъ замка. — На заглавномъ листѣ изображены замокъ Шильонъ снятый со стороны Вильнева, и внутренность Бонниваровой темницы.

ШИЛЬОНСКІЙ УЗНИКЪ.

I.

Взгляните на меня : я съдь!
Но не опъ хилоспи и лѣшь!
Не страхъ незапный въ почъ одну
До срока даль мнѣ съдину!
Я сгорбленъ, лобъ наморщенъ мой!
Но не труды, не хладъ и зной —
Тюрьма разрушила меня!
Лишенный сладостнаго дня,
Дыша безъ воздуха, въ цѣпяхъ,
Я медленно дряхлѣлъ и чахъ,
И жизнь казалась безъ конца!
Удѣлъ несчастнаго опца:
За вѣру — смерть и стыдъ цѣпей,
Удѣломъ спалъ и сыновей!

Насъ было семь — шести ужъ пѣтъ!
 Опець, спрадалецъ съ юныхъ лѣтъ,
 Погибшій спарцемъ на костръ,
 Два брата, падшіе во прѣ,
 Ошдавъ на жертву честь и кровь,
 Спасли души своей любовь!
 Три заживо схоронены
 На днѣ тюремной глубины —
 И двухъ сожрала глубина!
 Лишь я, развалина одна,
 Себѣ на горе уцѣлѣлъ,
 Чтобъ ихъ оплакивать удѣлъ.

II.

На лонѣ водъ спонитъ Шильонъ;
 Тамъ въ подземельѣ семь колоннъ,
 Покрытыхъ влажнымъ мохомъ лѣтъ.
 На нихъ печальный брежетъ свѣтъ:
 Лучъ, ненарокомъ съ вышины
 Упавшій въ прецину стѣны

И заропившійся во мглу ;
 И на сыромъ шюрьмы полу
 Онъ свѣшшишь шускло-одинокъ ,
 Какъ надъ болопомъ огонёкъ ,
 Во мракъ вѣющій ночномъ .
 Колонна каждая съ кольцомъ ;
 И цѣпи въ кольцахъ шѣхъ висяшъ ;
 И шѣхъ цѣпей желѣзо — идъ !
 Миѣ въ члены вгрызлося оно !
 Не будетъ вѣкъ изшреблено
 Клеймо , нарѣзанное имъ !
 И день шяжелъ глазамъ моимъ ,
 Отвыкнувшимъ съ шоль давнихъ лѣшъ
 Глядѣшь на радующій свѣшъ ;
 И къ волѣ я душой ошпыль
 Съ шѣхъ поръ , какъ брашъ послѣдній былъ
 Убить неволей предо мной ,
 И рядомъ съ мершвымъ я живой
 Терзался на полу шюрьмы !

III.

Цѣпями тѣми были мы
Къ колоннамъ тѣмъ пригвозждены,
Хоть вмѣстѣ, но разлучены;
Мы шагу не могли спустить;
Въ глаза другъ друга различить,
Намъ блѣдный мракъ тюрьмы мѣшалъ;
Онъ намъ лице чужое далъ —
И братъ сталъ брату незнакомъ.
Была услада намъ въ одномъ:
Другъ другу голосъ подавать,
Другъ другу сердце пробуждать:
Иль былью славной старины,
Иль звучной пѣснью войны —
Но скоро тоже и одно
Во мглѣ тюрьмы изпощено!
Нашъ голосъ страшно одичалъ!
Онъ хриплымъ ошголоскомъ сталъ

Глухой пиоремныя спѣны ;
 Онъ не былъ звукомъ спарины ,
 Увы ! подобно намъ самимъ
 Тогда и вольнымъ и живымъ !
 Мечта ль ? ... по голосъ ихъ и мой
 Всегда звучалъ мнѣ какъ чужой !

IV.

Изъ насъ проихъ я спаршій былъ !
 Я жребій собственны забылъ ,
 Дыша заботою одной ,
 Чпобъ имъ не дашь упасъ душой !
 Нашъ младшій братъ , любовь опца ...
 Увы ! черпы его лица ,
 И глазъ умильная краса ,
 Лазоревыхъ , какъ небеса ,
 Напоминали нашу масть !
 Онъ былъ мнѣ все ! и увядать
 При мнѣ былъ долженъ милый цвѣтъ ,
 Прекрасный , какъ попь дневный свѣтъ ,

Который съ неба мнѣ свѣшилъ,
 Въ кошоромъ я на волѣ жилъ;
 Какъ упро, былъ онъ чистъ и живъ!
 Умомъ младенчески-игривъ,
 Безпечно-весель самъ съ собой...
 Но передъ горестью чужой
 Изъ голубыхъ его очей,
 Бѣжали слезы какъ ручей!

V.

Другой былъ столь же чистъ душой!
 Но духъ имѣлъ онъ боевой!
 Могучь и крѣпокъ въ цвѣтѣ лѣтъ,
 Радъ вызвать къ битвѣ цѣлый свѣтъ,
 И въ первый рядъ на смерть готовъ...
 Но безъ перья для оковъ!
 И онъ опъ звука ихъ завялъ!
 Я чувствовалъ, какъ погибалъ,
 Какъ медленно въ печали гасъ
 Нашъ братъ, незримый намъ, близъ насъ!

Онъ былъ стрѣлокъ, жилище холмовъ,
 Гонимель вепрей и волковъ —
 И гробъ шюрма ему была!
 Неволи сила не снесла!

VI.

Шильонъ Леманомъ окружонъ;
 И водъ его со всѣхъ споронъ
 Неизмѣрима глубина;
 Въ двойную волны и стѣна
 Тюрьму совокупилась памъ;
 Печальный сводъ, копорый намъ
 Могилой заживо служилъ,
 Изрытъ въ скалъ подводной былъ;
 И день и ночь была слышна
 Въ него бьющая волна
 И шумъ надъ нашей головой
 Струй, отшибаемыхъ стѣной!
 Случалось — бурей до окна
 Бывала взброшена волна,

И брызговъ дождь насъ окроплялъ!
 Случалось — вихорь бушевалъ,
 И содрогалася скала!
 И съ жадностью душа ждала,
 Что рухнетъ и задавишь насъ:
 Свободой былъ бы смертный часъ!

VII.

Средній братъ нашъ — я сказалъ —
 Душей скорбѣлъ и увядалъ.
 Унылъ, угрюмъ, ожесточёнъ —
 Опъ пищи отказался онъ:
 Ёда пиюремная жестка!
 Но для могучаго стрѣлка
 Нужду переносить легко!
 Для насъ Алпійскихъ козь масло
 Смѣшила смрадная вода;
 А хлѣбъ нашъ былъ, какой всегда —
 Съ шѣхъ поръ, какъ цѣпи созданы —
 Слезами смачивать должны

Невольники въ своихъ цѣпяхъ!
Не опъ нужды скорбѣль и чахъ
Мой брашь! равно завяль бы онъ
И изобилемъ окружонъ,
Безъ воли!... и почи молчать!
Онъ умеръ!... яжь ему поданъ
Руки не могъ въ послѣдній часъ!
Не могъ закрыть попухшихъ глазъ!
Вошце я цѣпи грызъ и рваль —
Со мною рядомъ умираль
И умеръ брашь мой, одинокъ!
Я близко былъ и былъ далёкъ!
Я слышатъ могъ, какъ онъ дышалъ,
Какъ онъ дышатъ переставаль,
Какъ вздрагиваль въ цѣпяхъ своихъ,
И какъ ужасно вдругъ зашихъ
Во глубинѣ шюремной мглы!...
Они, снявъ съ пруса кандалы,
Его безъ гроба погребли
Въ холодномъ лонѣ шой земли,

На кося онъ невольникъ былъ!
 Вошце я ихъ въ слезахъ молилъ,
 Чшобъ брату памъ могилу дашъ,
 Гдѣ могъ бы дневный лучъ сіять!
 То мысль безумная была,
 Но душу мнѣ она зажгла:
 Чшобъ воленъ былъ хощъ въ гробѣ онъ!
 «Въ пемницѣ (мнилъ я) мерпвыхъ сонъ
 Не шихъ!»... Но былъ опвѣшъ слезамъ
 Холодный смѣхъ! И братъ мой памъ
 Въ сырой землѣ пюръмы зарышъ!
 И въ головахъ его висипъ
 Пукъ имъ оставленныхъ цѣпей:
 Убѣиць достойный мавзолеи!

VIII.

Но онъ — нашъ милый, лучшій цвѣшъ;
 Нашъ ангель съ колыбельныхъ лѣшъ;
 Сокровище семьи родной;
 Онъ — образъ матери душой

И чистой прелестью лица;
 Мечта любимая отца;
 Онъ — для кого я жизнь щадилъ:
 Чтoбъ онъ бодрѣй въ неволѣ былъ,
 Чтoбъ послѣ могъ и воленъ быть!
 Увы!... онъ долго могъ сносить
 Съ младенческою пишиной,
 Съ перыньемъ яснымъ жребій свой!
 Не я ему — онъ для меня
 Подпорой былъ!... вдругъ день отъ дня
 Спаль упадаль, ослабѣваль,
 Груспилъ, молчалъ и молча вяль!...
 О Боже! Боже! спрашно зрѣть,
 Какъ силпса преодолѣшь
 Смерть челоуѣка!.. я видалъ,
 Какъ рапникъ въ битвѣ погибаль!
 Я видѣль, какъ пловецъ понуль
 Съ доской, къ копорой онъ прильнуль
 Съ надеждой гибнущей своей!
 Я зрѣль, какъ издыхалъ злодѣй

Съ свирѣпой дикоспью въ черпахъ,
 Съ богохуленьемъ на устахъ,
 Пока ихъ смерть не заперла!
 Но тамъ былъ страхъ — здѣсь скорбь была,
 Болѣзнь глубокая души!
 Смираннымъ ангеломъ, въ пиши,
 Онъ гасъ, споль крошко-молчаливъ,
 Споль безнадежно-перильливъ,
 Споль грустно-помень, нѣжно-шихъ,
 Безъ слезъ, лишь помня о своихъ
 И обо мнѣ... увы! онъ гасъ,
 Какъ радуга, плѣняя насъ,
 Прекрасно гаснеть въ небесахъ!
 Ни вздоха скорби на устахъ!
 Ни ропота на жребій свой!
 Лишь слово изрѣдка со мной
 О нашихъ прошлыхъ временахъ,
 О лучшихъ будущаго дняхъ,
 О упованьи.... Но объять
 Сей прашой, горшею изъ пращъ,

Я былъ въ свирѣпомъ забыши!
 Вотще, кончаясь, онъ свои
 Терзанья смершныя скрывалъ...
 Вдругъ рѣже, шрепешнѣ сталъ
 Дышать, и вдругъ умолкнулъ онъ!...
 Молчаньемъ спрашнымъ, пробуждѣнъ,
 Я вслушиваюсь.... тишина!
 Кричу, какъ бѣшеный.... стѣна
 Ошкликнулась.... и умеръ гуль!
 Я цѣпь опчаянно рванулъ
 И вырвалъ!.. къ брату!... брата нѣтъ!
 Онъ на столбѣ — какъ вешній цвѣтъ,
 Убитый хладомъ — предо мной
 Висѣлъ съ опущенной главой!
 Я руку тихую поднйалъ!
 Я чувствовалъ, какъ исчезалъ
 Въ ней слѣдъ послѣдней теплоты!
 И, мнилось, были опняты
 Всѣ силы у души моей!
 Все спрашно вдругъ сперлося въ ней!

Я дико по шюрьмѣ бродилъ —
 Но въ ней покой ужасный былъ,
 Лишь вѣялъ опъ спѣны сырой,
 Какой-то холодъ гробовой!
 И взоръ на мершваго вперивъ,
 Я зналъ лишь смушно, что я живъ!
 О! сколько муки въ знаньи помъ,
 Когда мы тупъ же узнаёмъ,
 Что милому уже не быть!
 И мигъ сей могъ я пережить!
 Незнаю — вѣра ль то была!
 Иль хладношь къ жизни жизнь спасла!

IX.

Но что попомъ сбылось со мной,
 Не помню!.. Свѣтъ казался тмой,
 Тма свѣтомъ; воздухъ исчезалъ;
 Въ оцѣпененіи стоялъ,
 Безъ памяти, безъ бытія,
 Межъ камней хладнымъ камнемъ я!

И видѣлось, какъ въ тяжкомъ снѣ,
Все блѣднымъ, темнымъ, тусклымъ мнѣ!
Все въ мушную слилося тѣнь!
То не было ни ночь, ни день,
Ни тяжкій свѣтъ шурьмы моей,
Сшоль ненавистный для очей!
То было тма безъ темноты!
То было бездна пустошы
Безъ пропаяенья и границъ!
То были образы безъ лицъ!
То страшный міръ какой-то былъ,
Безъ неба, свѣша и свѣшилъ,
Безъ времени, безъ дней и лѣтъ,
Безъ Промысла, безъ благъ и бѣдъ;
Ни жизнь, ни смерть — какъ сонъ гробовъ!
Какъ океанъ безъ береговъ,
Задавленный тяжелой мглой,
Недвижный, темный и нѣмой!

X.

Вдругъ лучъ незапный посѣпиль
Мой умъ... шо голосъ ппички былъ!
Онъ умолкаль! онъ снова пѣль!
И мнилось съ неба онъ лешѣль!
И былъ утѣшно-сладокъ онъ!
Имъ очарованъ, оживлѣнъ,
Заслушавшись, забылся я!
Но не надолго! ... мысль моя
Спезей привычную пошла!
И я очнулся... и была
Опять передо мной пюрма!
Молчанье поже! шаже пма!
Какъ прежде, блѣдною спруей
Прокрадывался лучъ дневной
Въ спѣнную скважину ко мнѣ...
Но шамъ же, въ свѣтѣ, на спѣнѣ
И мой пѣвецъ воздушный былъ!
Онъ препеналъ, онъ шевелилъ

Своимъ лазоревымъ крыломъ;
Онъ озаренъ былъ яснымъ днёмъ;
Онъ пѣлъ привѣшно надо мной....
Какъ много было въ пѣсни той!
И все, казалось, про меня!
Ни разу до того я дня
Ему подобнаго не зрѣлъ!
Какъ я, казалось, онъ скорбѣлъ
О братѣ, и покинутъ былъ!
И онъ съ любовью навѣспилъ
Меня тогда, какъ ни однимъ
Ужъ сердцемъ, не былъ я любимъ!
И въ сладость пѣснь его была:
Душа невольно ожила!
Но ктожъ онъ самъ былъ, мой цвѣць?
Свободный ли небесъ жилецъ?
Пли недавно изъ цѣпей
По случаю къ шюрэмъ моей,
Играя въ небѣ, залетѣлъ
И о свободѣ мнѣ пропѣлъ!

Скажуль?.. мнѣ думалось порой,
 Что у меня былъ не земной,
 А райскій госпъ! чшо брапній духъ
 Порадовавъ мой взоръ и слухъ
 Примчался ппичкою съ небесъ....
 Но упѣшитель вдругъ исчезъ!
 Онъ улешѣлъ въ сіянье дня!...
 Нѣтъ! нѣтъ! шо не былъ брапъ!.. меня
 Покинуть такъ не могъ бы онъ,
 Чшобъ я съ нимъ дважды разлучѣнъ,
 Оспался вдвое одинокъ,
 Какъ шрупъ межъ гробовыхъ досокъ!

XI.

Вдругъ новое въ судьбѣ моей :
 Къ душѣ шюремныхъ спорожей
 Какъ будшо жалось пущъ наша!
 Дополъ ихъ душа была
 Безчувственнѣй желѣзъ моихъ!
 И чшо разжалобило ихъ,

Чпо милоспъ вымолило мнѣ,
Не знаю!.. Но опять къ спѣнѣ
Уже прикованъ не былъ я!
Оборванная цѣпь моя
На шеѣ билася моей!
И по шюрмѣ я вмѣстѣ съ ней
Вдоль спѣнѣ, кругомъ сполбовъ бродилъ,
Несмѣя брашнихъ лишь могилъ
Допронухся моей спопой,
Чшобы послѣднiя земной
Свяшныи шамъ не оскорбиль.

XII.

И мнѣ оковами прорышь
Спупени удалось въ спѣнѣ;
Но воля не входила мнѣ
И въ мысли... я былъ сирота!
Миръ спалъ чужой мнѣ; жизнь пуста!
Съ шюрмой я жизнь сдружилъ мою!
Въ шюрмѣ я всю свою семью,

Все что знавала, все что любила
 Невозвратимо схоронила,
 И въ области веселой дня
 Никто уж не жилъ для меня!
 Безъ мѣста на пиру земномъ,
 Я былъ бы лишній гость на немъ,
 Какъ облако, при ясномъ днѣ
 Потерянное въ вышинѣ,
 И въ радостныхъ его лучахъ
 Не нужное на небесахъ!...
 Но мнѣ хотѣлось бросить взоръ
 На красоту знакомыхъ горъ,
 На ихъ ушесы, ихъ лѣса,
 На слышны съ ними небеса!

ХІІІ.

Я ихъ увидѣлъ — и онѣ
 Всѣ были тѣжъ: на вышинѣ
 Вѣками созданны снѣга,
 Подъ ними альпы и луга,

И бездна озера у ногъ;
 И Роны блестящій пошокъ
 Между зеленыхъ береговъ;
 И слышанъ былъ мнѣ шумъ ручьёвъ,
 Бѣгущихъ, бьющихъ по скаламъ;
 И по лазоревымъ водамъ
 Сверкали ясны облака;
 И быстрый парусъ челнока
 Между небесъ и водъ летѣлъ;
 И хижины веселыхъ селъ
 И кровы свѣсплыхъ городовъ
 Сквозь паръ мелькали вдоль береговъ!...
 И я примѣшилъ оспровокъ:
 Прекрасенъ, свѣжъ, но одинокъ
 Въ пространствѣ былъ онъ голубомъ;
 Цвѣли при дерева на нёмъ;
 И горный воздухъ вѣялъ тамъ
 По муравъ и по цвѣпамъ,
 И воды были тамъ живѣй,
 И обвивалися нѣжнѣй

Кругомъ родныхъ береговъ онъ;
И видѣлъ я : къ моей стѣнѣ
Челнокъ съ пловцами приспаваль,
Госпиль у берега, отплываль,
И при свободномъ въперкѣ,
Лешя, скрывался вдалекѣ!
И въ облакахъ орель играль!
И никогда я не видалъ
Его споль быспрымъ — шо къ окну
Спускался онъ, шо въ вышину
Взлешаль — за нимъ душа рвалась,
И слезы новыя изъ глазъ
Пошли, и новая печаль
Мнѣ сжала грудь... мнѣ спало жаль
Моихъ покинутыхъ цѣпей!
Когдажъ на дно шюрьмы моей
Опяшь сойши я долженъ былъ —
Меня, казалось обхвапиль
Холодный гробъ, казалось вновь
Моя послѣдняя любовь

Мой милый братъ передомной
 Былъ взявъ несышою землѣй;
 Но какъ ни шажко ныла грудь —
 Чпобъ опъ спраданы опдохнуть,
 Мнѣ мракъ шюрьмы опрадой былъ!

XIV.

День приходилъ — день уходилъ —
 Шли годы — я ихъ несчиталъ!
 Я, мнилось, память пошерялъ
 О черемѣнахъ на земли!
 И люди наконецъ пришли
 Мнѣ волю бѣдную опдать!
 За что и какъ, о помъ узнать
 И непомыслилъ я — давно
 Считать привыкъ я за одно:
 Безъ цѣпилъ я, въ цѣпяхъ ли былъ!
 Я безнадежность полюбилъ!
 И имъ я холодно внималъ,
 И равнодушно цѣпь скидалъ,

И подземелье стало вдругъ
Мнѣ милой кровлей... тамъ все другъ
Все однодомецъ было мой!
Паукъ темничный надо мной
Тамъ мирно шкаль въ моемъ окнѣ;
За рѣзвой мышью при лунѣ
Я тамъ подсматривать любилъ;
Я къ цѣпи руку приучилъ,
И... споль себѣ невѣрны мы!....
Когда за дверь своей шюрьмы
На волю я перешагнулъ —
Я о шюрьмѣ своей вздохнулъ.
